

А.А. Алексеев

**Очерки домашней и
общественной жизни евреев**

**Их верования, богослужение,
праздники, обряды, талмуды и
кагалы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

- А.А. Алексеев**
А11 Очерки домашней и общественной жизни евреев: Их верования, богослужение, праздники, обряды, талмуды и кагалы / А.А. Алексеев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 240 с.

ISBN 978-5-458-52165-9

Настоящее исследование состоит из пяти отделов. Первый отдел посвящен домашней жизни и устройству быта евреев, а также церковной архитектуре и богослужению. Второй отдел посвящен религии евреев. Третий отдел составляет этнографическую часть - праздники, торжества, обряды. Отдел четвертый посвящен торговле. Пятый отдел посвящен Кагалу.

ISBN 978-5-458-52165-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Домашняя жизнь евреевъ.

Начну разсказъ съ рожденія. Родился я въ 1826 году отъ бѣдныхъ родителей въ маленькомъ мѣстечкѣ Незарицы, подольской губерніи. Мѣстечко Незарицы очень маленькое мѣстечко, но славится между іудеями тѣмъ, что въ немъ живетъ не мало ученыхъ талмудистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ отецъ мой. Изъ этого-то талмудическаго гнѣзда или, какъ выражались евреи, «знатнаго дома и ученаго Юдка Шахновича» произошелъ и я, Вульфъ, названный во св. крещенія Александромъ. Старожилы нашего мѣстечка помнили, что и дѣдъ мой былъ не простой еврей, а іерусалимскій «мореро», великій ученый, проповѣдникъ, выходецъ; не разъ онъ прѣвѣжалъ въ Россію за сборомъ въ пользу бѣдныхъ іерусалимскихъ братьевъ и игралъ замѣтную роль; но въ послѣдній свой прѣвѣздъ заболѣлъ въ Незарицахъ и здѣсь умеръ. Самъ отецъ— тотъ возводилъ родъ свой и еще выше, даже до княжескаго, и увѣрялъ, что его дѣдъ былъ князькомъ и происходилъ изъ колѣна Іудина, которое нѣкогда славно княжило во Израилѣ. Что несомнѣнно вѣрно, такъ это то, что отецъ былъ великимъ учителемъ, такъ какъ обладалъ большою ученостію, разумѣется, талмудическою; а быть ученымъ, т. е. знатокомъ талмуда—важнѣе всего для еврея. Талмудиста избираютъ въ раввины, судьи и даже посвящаютъ въ «цадика» — оберъ-раввина (нѣчто въ родѣ архіерея); за знатока талмуда, хотя бы онъ былъ сынъ бѣдняка, еврей богачъ выдать охотно и дочь свою и дать за ней большое приданое; каждый гордится вступить въ родство съ ученымъ талмудистомъ; считаютъ за счастье и по смерти быть погребен-

нымъ рядомъ съ прахомъ талмудиста и платять за мѣсто большія деньги. Словомъ, выше талмудиста нѣтъ человѣка въ еврейскомъ мѣрѣ; ему почетъ въ синагогѣ, ему поклонъ въ собраніяхъ и на улицѣ; ему первое мѣсто всюду *). Такимъ-то почетомъ пользовался и отецъ мой. Но когда я рождался, отцу пришлось вынести маленькую неприятность. Мать моя сильно мучилась мною и едва не поплатилась жизнью. Въ мѣстечкѣ нашемъ не было повивальной бабки, и отецъ принужденъ былъ обратиться къ цирульнику, славившемуся искусствомъ въ акушерскомъ дѣлѣ, и просить его принять на себя должность бабки; цирульникъ согласился не вдругъ, ссылаясь на нездоровье и дурную погоду. «Воля ваша, отвѣчалъ онъ отцу, а я пѣшкомъ не пойду». Бѣдный родитель изъяснилъ согласіе нести его на своихъ плечахъ и неслъ его, пока, выбившись изъ силъ, не упалъ со своею ношею среди грязи, которой въ Назарѣцахъ было не мало. Цирульникъ, получивъ ушибъ, поднялъ гвалтъ, а отецъ, почувствовавъ себя нехорошо, воскликнулъ: «Шадай!» т. е. Боже милосердый, яви намъ помощь. Заорали, глядя на отца и дѣти: «ойвей, ойвей!» Этотъ общій гвалтъ, какъ прозорливо послѣ передавалъ отецъ, былъ такъ силенъ, что несомнѣнно дошелъ и до ушей Бога; и отъ того, какъ отъ шума Израиля, разрушившаго нѣкогда стѣны Иерихона, рушилось семейное наше горе. Съ приходомъ отца, мать разрѣшилась отъ бремени, а отецъ не преминулъ ее утѣшить: «не даромъ ты, дорогая моя, сказала онъ, носишь имя праматери нашей, Ревекки и, подобно ей, страдала въ беремености! вѣрь, что и ты возрадуешься о плодѣ своемъ: за долгое терпѣніе Богъ наградишь

*) Правда, иногда воздають нѣкоторое почтеніе и „когану“—священнику и левиту, званіе которыхъ весьма сомнительно, такъ какъ съ уничтоженіемъ у евреевъ жертвенника и прекращеніемъ жертвы, не стало у нихъ и законныхъ священниковъ, но у нихъ есть самозванцы „коганы“, любящіе щеголять этимъ званіемъ. Замѣчательно, что эти коганы слятся доказать свое, будто бы, законное происхожденіе ветхими засаленными книженками, въ которыхъ значится, что такой-то коганъ. Задумай еврей съ подобнымъ коганомъ заспорить о чемъ-нибудь, тотъ не задумается поднести пощечину противнику; а если бы обиженный захотѣлъ обидчику воздать тѣмъ же, то другіе еврей заступятся за него и удержатъ обиженнаго; они скажутъ ему: „стой, братъ, когана нельзя бить, онъ вѣдь сердится не отъ себя, а гнѣвъ нисходитъ на него свыше“ (еврей убѣждены, что „коганъ“ долженъ быть человѣкомъ сердитымъ)—и обиженный оставитъ порывъ своего гнѣва.

тебя сыномъ, который, можетъ быть, будетъ подобенъ праотцу нашему Иакову». Скоро узнали родственники и знакомые о явленіи новаго челоуѣка въ міръ и сочли долгомъ поспѣшить къ намъ въ домъ, чтобы поздравить родителей съ ниспосланиемъ имъ милости Божіей, т. е. дарованіемъ еще одного чада. Каждый входившій въ домъ подходилъ къ родильницѣ и, какъ послѣ передавалъ отецъ гремя ей въ уши извѣстныя слова; «мазговъ» — добро и счастье вамъ, разумѣя при этомъ, «что вотъ молъ и еще родился на свѣтъ одинъ «ишруэль» — израильтанинъ и однимъ дорогимъ именемъ стало больше. Говоря объ этой подробности, нельзя не упомянуть, какое громадное различіе представляетъ одно и то же названіе «іудей» для христіанъ и для евреевъ. Кто не слышалъ, съ какимъ отвращеніемъ произносить имя «еврей» иной христіанинъ, особенно простолюдинъ! Что можетъ быть для него хуже этого имени? Для еврея же это имя составляетъ хвалу, знакъ превосходства передъ другими: я происхожу, говоритъ онъ, отъ великаго родоначальника, Евера, отъ котораго произошелъ и отецъ всѣхъ вѣрующихъ, праведный Авраамъ. Когда же назовутъ еврея «израилемъ», то онъ чувствуетъ себя и еще выше и тогда скажетъ: «ага! знайте же, что отецъ нашъ, Иаковъ, получалъ это имя отъ Самаго Господа, какъ «мужъ зрящій Бога или богоборецъ», ибо и съ Богомъ Самимъ боролся и побѣдилъ Его. Но еврею страшно не нравится, когда его назовутъ жидомъ и особенно, когда хотятъ этимъ умалить его имя, за которое онъ ежедневно благодаритъ Бога, говоря: «благословенъ Ты, Боже, создавший меня, не «гоемъ» — иновѣрцемъ, а израильтаниномъ» *). Понятно теперь, почему и радуются такъ евреи, когда родится на свѣтъ еще одинъ израильтанинъ. Излишне прибавлять, что и отецъ мой не могъ, конечно, не восхищаться моимъ рожденіемъ и выразилъ эту радость самымъ дѣломъ. На столѣ, по его приказанію, явилось лучшее вино и отменная закуска — сладкіе пряники, которые считаются самою богатою закускою у еврея; пьющіе сопровождали каждую рюмку добрымъ пожеланіемъ, а отецъ мой потчевалъ ихъ и самъ при-

*) Еврей усердно благодаритъ Бога и за то, что Онъ создалъ его не женщиною, которая считается ниже мужчины (вн. Сидеръ, стр. 9). Женщина должна быть только помощницею мужа и, ужъ какъ ни ухитрайся, а все-таки останется тѣмъ же.

нималъ участіе. Не до радости было только матери: какъ и всякая еврейка въ такомъ положеніи, она трепетала не только за себя, но и за меня, и за меня особенно, опасаясь несчастія, которое такъ легко могло тутъ случиться. Нужно замѣтить здѣсь, что, по вѣрованію евреевъ, cadaго младенца ожидаетъ опасность въ самомъ моментѣ рожденія: дьяволъ—этотъ искони врагъ рода человѣческаго, ищетъ уже его погибели; правда, онъ нападаетъ и на большого еврея, но тутъ нападенія рѣдко бываютъ удачны: у взрослого есть спасительныя средства для борьбы съ злымъ духомъ, именно: «цыцесъ» или рясны (ниточки, навязанныя на края жилета); этихъ молитвенныхъ знаговъ—«цыцесъ»—терпѣть не можетъ дьяволъ; но младенецъ новорожденный—что можетъ онъ сдѣлать и чѣмъ спастись? Будь это раньше, дитя не испугалось бы злого духа, такъ какъ, по ученію талмуда, душа еврея будучи на небѣ подъ охраною Бога и зная все, могла бы угадать и тайный умыселъ злого духа и спастись отъ него; но разъ душа сошла съ неба и воплотилась, какъ дѣлается уже безсознательною и бессильною: ангелъ Божій по вѣрованію евреевъ, въ это время ударяетъ младенца подъ носъ и этимъ щелчкомъ отбиваетъ у него память. Сомнѣній на этотъ послѣдній счетъ тоже существовать не можетъ: «отъ чего же у cadaго челоѣка ямочка подъ носомъ, какъ не отъ щелчка ангела?»*)

И такъ, матушка моя находилась въ большой тревогѣ. Но не даромъ же говорятъ, что еврей народъ находчивый: въ опасныя минуты всегда у нихъ найдутся средства и противъ дьявола. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Занавѣсъ родильницы обвѣсили многочисленными бумажками со словами 121 псалма (шир-гамалисъ) и на нихъ сдѣлали надпись: махшефо лойсехае, т. е. «чародѣйка да не живетъ въ насъ», а на др. пишутъ эти слова наоборотъ «въ насъ да не живетъ чародѣйка». Эти оригинальныя «спаси-

*) Не можемъ не указать на интересное сказаніе талмуда о моментѣ воплощенія души. Всѣ души челоѣческія, говоритъ талмудъ, приготовлены Богомъ отъ вѣка для воплощенія въ тѣла и когда наступаетъ моментъ такой-то души воспріять тѣло, то она обращается съ мольбою къ Богу, прося Его усердно не посылать ее на землю, въ эту юдолю плача и скорби, но ей приказываютъ исполнять долгъ, т. е. сойти на землю и воплотиться въ тѣло челоѣка, чтобы былъ еще лишній израильянинъ на землѣ и она,—бѣдная душа,—нехотя воплощается нехотя живетъ и потомъ, должна оставить этотъ міръ и дать отвѣтъ Богу за всѣ дѣланія, содѣланныя въ мірѣ.

тельные» бумажки были обаявлены подписями именъ чтимыхъ праотцовъ: Адама и Евы, Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова, Лія и Рахили и наклеены на кровати родильницы. Огражденная этими записками, родильница могла уже вздохнуть свободнѣе и совершенно успокоиться, будучи увѣрена, что диаволу загражденъ теперь доступъ какъ къ ней, такъ и къ невинному младенцу, который безъ этихъ записочекъ легко могъ сдѣлаться его жертвою. Но за этимъ горемъ наступало другое и, можно сказать, гораздо большее для младенца: его ожидаетъ ножъ «моэла» — лица, совершающаго обрядъ обрѣзанія. Извѣстно, что у евреевъ обрядъ обрѣзанія совершается надъ младенцемъ мужского пола въ восьмой день по рожденіи. Положимъ, отъ этой операціи рѣдко бывають смертные случаи, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы таковыхъ вовсе не было, а о страданіяхъ, которыя приходится перенести новорожденному и говорить нечего.

Посвятимъ нѣсколько минутъ *обряду обрѣзанія*.

Утромъ въ субботу, на 8-й день, новорожденный младенецъ приносится въ синагогу; сюда собираются: «кватерь» (кумъ), кватерина (кума), «моэль» (обрѣзатель), «сандики» и разныя приглашенныя лица. Когда все уже готово къ исполненію обряда, кума, поднявъ младенца на руки, ожидаетъ громкаго зова шамеша: «кватерь», при которомъ она передаетъ младенца куму подъ громкимъ привѣтствіемъ: «борухъ габо» (будь благословенъ пришлецъ). Кумъ подноситъ младенца къ моголю, который, воспріявъ его, читаетъ вслухъ: «И рече Господь праотцу нашему Аврааму: шестуй предо мною и будь праведенъ»; послѣ этого онъ подходитъ къ кисе шель Эліюгу (трону Иліи пророка), на которомъ невидимо пророкъ присутствуетъ при обрѣзаніи. Въ эту минуту младенца обступаютъ всѣ моголими, готовые къ операціи—одинъ съ обоюдо острымъ ножемъ, другой съ заостренными ногтями на большихъ пальцахъ, а третій съ своимъ ртомъ. Первый изъ моголими творитъ предварительно молитву: «слава тебѣ Іегова, Боже нашъ Царь вселенной, освятившій насъ заповѣдью своею совершать обрѣзаніе» и, срѣзавъ въ мигъ край дѣтороднаго члена, уступаетъ свое мѣсто другому оператору—перею, этотъ хватаетъ срѣзанное мѣсто и, разорвавши кожу снизу члена своими заостренными

ногтями, уступает свое мѣсто третьему оператору мецицу, который устами высасываетъ кровь изъ раны. Рану засыпаютъ древеснымъ порошкомъ и поднимаютъ младенца съ подушкою на руки. Одинъ изъ присутствующихъ совершаетъ молитву надъ чашею съ виномъ, при двукратномъ повтореніи словъ пророка Іезекіиля: «И говорю тебѣ, кровью твоею живи», опускаетъ въ ротъ младенца три капли вина. Всю эту церемонію канторъ заглашаетъ пѣніемъ «многая лѣта» младенцу, родителямъ его, присутствующимъ и проч.

Не безынтересною представляется въ экзегетическомъ смыслѣ одна подробность изъ этого обряда—это именно, такъ называемое сѣдальце пророка Илія или, по-просту говоря, —кресло, которое ставится тутъ для этого пророка, долженствующаго всегда засѣдать въ синагогѣ при совершеніи обрѣзанія. Почему пророкъ Илія обязанъ засѣдать здѣсь, на это имѣются свои причины: при жизни своей на землѣ, онъ, какъ ревнитель вѣры израиля, въ гнѣвъ на своихъ соотчичей, равнодушныхъ къ закону и обряду обрѣзанія, обратился съ жалобою къ Богу, говоря: «Господи, израиль совсѣмъ забылъ твой законъ», т. е. обрѣзаніе. А такъ какъ евреямъ строго повѣдано Богомъ хранить этотъ завѣтъ, который они и хранили, то Господь, тронутый этимъ доносомъ, велѣлъ немедленно изслѣдовать это дѣло въ небесномъ ареопагѣ; но когда слѣдствие произвели, то оказалось, что израиль вовсе не нарушалъ свой священный завѣтъ; и пророкъ оказался несправедливымъ. За такой неправый доносъ пророку Илію велѣно было дать тридцать ударовъ, чтобы онъ впредь не клеветалъ на народъ Божій и, кромѣ того, ему же приказано всегда присутствовать при обрѣзаніи, чтобы онъ зналъ, какой тяжкій грѣхъ совершилъ онъ, возведя напраслину на израиля». (Странная выдумка и клевета!). И Илія, видя это, каждый разъ мучается за свой грѣхъ. Такъ былъ онъ свидѣтелемъ и моего обрѣзанія.

II.

Начальное домашнее воспитаніе еврейскаго дитяти.

Первое, что врѣзалось въ моей памяти, это начальное руководство моей матери. Ея главная забота состояла въ томъ, чтобы я

изучалъ утреннія молитвы. Встанешь бывало съ постели и захочешь встаться за хлѣбъ, но лишь только протянешь руку, какъ мать оставитъ и скажетъ на еврейскомъ «жаргонѣ»:— «вартъ майнъ киндъ» — погоди, дитя мое, надо прежде умыться и прочесть «брохесъ» (утреннія молитвы), а потомъ уже и за хлѣбъ браться; вѣдь мы не «гон», которые слишкомъ заботятся о томъ, чтобы побольше и получше накласть сюда (при этомъ указываетъ на животъ), думая отъ этого быть крѣпкими и тучными, а какой толкъ въ тучномъ тѣлѣ, которое нѣкогда сдѣлается достояніемъ червей?» «Такъ, такъ! добавитъ къ этому и отецъ, законъ нашъ учить: умножающій плоть, умножаетъ червей, умножающій слугъ умножаетъ грабежъ и неприятность въ домѣ, умножающій одежды и богатство умножаетъ скорбь и заботу, но умножающій въ себѣ «Тора»—Законъ Божій—умножаетъ животъ вѣчный». (См. кн. Сидеръ, перекъ-шени, отд. 2). Послѣ этого правоученія, мать, бывало, подведетъ меня къ умывальницѣ или кувшину, который заблаговременно ставится у изголовья постели отца и тщательно умоетъ мнѣ руки и особенно кончики рукъ. Не подумайте, читатель, что кончики эти одна условность,—совсѣмъ нѣтъ. У евреевъ утреннее умовеніе совершается не столько для чистоты, сколько для того, чтобы прогнать нечистую силу, порхающую ночью надъ спящимъ человѣкомъ и скрывающуюся въ кончикахъ рукъ, особенно подъ ногтями. Поэтому раввины, эти заботливѣйшіе учителя синагоги, придумали разные спасительныя средства, способствующія прогнанію злого духа. Одно изъ этихъ средствъ—*обрядъ омовенія* рукъ. Еврей, вставъ отъ сна, тотчасъ долженъ умыть руки, не отходя отъ кровати далѣе четырехъ аршинъ; это омовеніе называется «негелъ васеръ». Строго запрещается неумытыми руками браться за лицо, чтобы оно не сдѣлалось въ пятнахъ; не слѣдуетъ прикасаться до рта, чтобы не сдѣлаться нѣмымъ, ни до глазъ, чтобы не ослѣпнуть, ни до ушей, чтобы не оглохнуть, ни до носа, чтобы не получить насморка, ни даже до той воды, которая приготовлена для умовенія *). Каждая набожная мать-еврейка наблюдаетъ, чтобы дитя не ходило съ неумытыми руками

*) См. „Шилхенъ Ойрихъ“ (сборникъ раввинскихъ ученій) гл. 4. ст. 1—3.

и умывалось согласно предписаніямъ талмуда, который повелѣваетъ сначала омыть одну руку, потомъ омытою рукою обдавать изъ кувшина другую; при этомъ строго наблюдаютъ, чтобы вода не брызнула въ кувшинъ, иначе нужно снова умываться; особенно строго слѣдитъ мать за тѣмъ, чтобы дитя, умывшись, прочитало утреннія молитвы; послѣ молитвы мать дастъ кусочекъ хлѣба, намазанный смѣтаной. О, съ какимъ удовольствіемъ съѣдалъ я бывало этотъ кусочекъ! Но и хлѣба давалось въ мѣру: спросишь иной разъ лишній ломтикъ, чтобы съ нимъ, на манеръ крестьянскаго мальчика, выйти на улицу и тамъ покушать, но мать не дастъ, особенно же когда дождаешь послѣдній коровайчикъ (хлѣбы пекутся обыкновенно разъ въ недѣлю, одинаковой величины каждый, такъ что по одному хлѣбцу, фунта въ три, приходится въ день на все семейство). «Посмотри-ка, скажетъ, на полку; вѣдь остается всего одинъ хлѣбецъ, а до шабаша осталось еще два дня». Ни о какихъ бивштексахъ или котлетахъ никто изъ насъ не имѣлъ и малѣйшаго представленія. Задумай еврейскій мальчикъ потребовать отъ матери что-нибудь подобное, отецъ скажетъ: «знаешь изреченіе нашихъ мудрыхъ отцовъ: «насъ бамелехъ тохилъ» — хлѣбъ съ солью ѣшь, «всаля эрецъ тишень» — на землѣ спи и благо тебѣ будетъ». Любители мяса, быть можетъ, скажутъ: такъ вотъ почему евреи такіе жиденькіе и тощіе. Мы не раздѣляемъ этого убѣжденія и именно потому, что съ дѣтства научены вѣрить въ св. Писаніе, а оно говоритъ: «хлѣбъ укрѣпляетъ сердце мужа». Съ другой стороны едва-ли уже такъ безспоренъ и самый фактъ общей еврейской слабости. По крайней мѣрѣ малороссы, лучше знающіе имъ цѣну, сложили какъ разъ противоположную поговорку: «жиды живучи, якъ кошки и родятся, якъ клопы». Но объ этомъ, разумеется, только къ слову. Несомнѣнно, что все порядочное, что только найдется въ еврейскомъ мальчикѣ и во взросломъ человѣкѣ, — плодъ материнскаго воспитанія; мать приучаетъ ребенка вставать въ извѣстный часъ на молитву, посѣщать синагогу, свято хранить уставы ея; мать вселяетъ въ дитяти страхъ Божій и научаетъ его заповѣдямъ и велитъ хранить законъ Моисеевъ. Она и въ домашней жизни слѣдитъ за каждымъ шагомъ своихъ дѣтей: задумай ребенокъ обнажить свое тѣло, мать остановитъ

его и скажетъ: «давъ ноть нхтъ-шейнъ, майнъ киндъ» — стыдно, мое дитя, тажъ дѣлать: «наготу челоувѣка-израиля не должны видѣть и бревна дома». Но особенно наблюдаетъ мать-еврейка, въ подобныхъ случаяхъ, за дѣвочкой, внушая ей держать себя прилично и тѣмъ болѣе въ присутствіи мужчины; смѣло могу сказать — никогда не увидите еврейскую дѣвушку въ такомъ видѣ который бы въ соблазнъ ввель мужчанъ. Мать не позволитъ дѣтямъ сказать грубаго слова старшему, напримѣръ: въ обращеніи съ нимъ употребить слово «ты», хотя бы то былъ домашній слуга; отъ того-то и замѣчается въ жизни евреевъ уваженіе и почтеніе другъ къ другу. Даже фанатизмъ, замѣчаемый въ еврей, доходящій до ненависти къ иновѣрцу, тоже есть плодъ материнскаго воспитанія. Грѣхъ утаить, но надо сознаться, что и моя добрая мать, ревнуя о вѣрѣ своей не по разуму, всеяла во мнѣ и въ другихъ дѣтяхъ ненависть къ окружающимъ насъ христіанамъ; при входѣ, напримѣръ, въ нашъ домъ крестьянина или крестьянки, она не позволитъ никому изъ дѣтей подойти къ нимъ и особенно вступить въ разговоръ; когда же вошедшій крестьянинъ приласкаетъ кого изъ насъ, то скажетъ: «гей авекъ» — иди прочь, дитя мое, отъ «гоя» — язычника: ояъ, вѣдъ, «трефный», — съверный; не допускала сближаться и съ дѣтьми христіанъ, потому что они «шегець-перець» — гадины. Подобными наименованіями евреи, конечно, всеяютъ въ дѣтяхъ съ раннихъ же лѣтъ презрѣніе и ненависть къ христіанамъ. Но все эти дурныя внушенія, дѣлаемыя еврейкой дѣтямъ, можно сказать, не ея прямая вина, а результатъ талмудическаго ученія; еврейка считаетъ законнымъ дѣломъ приводить въ исполненіе то, чему учить талмудъ. Помимо этихъ грустныхъ правилъ талмуда, прививаемыхъ матерью къ дѣтямъ, она все-же научаетъ своихъ дѣтей и многому хорошему, не исключая и того, что необходимо знать въ домашнемъ хозяйствѣ, напр., изготовить кушанья въ честь шабаша. Каждая мать-еврейка, какъ бы она ни была богата и знатна, почтетъ долгомъ познакомить дочь съ кухней и научить ее, какъ испечь куличъ, приготовить рыбу и кугель (родъ пирожнаго) ко дню шабаша и т. п. Такъ велось дѣло и въ нашемъ семействѣ.

Когда наступилъ 6-й годъ, въ который, по принятому обычаю,

мать должна была передать дѣло моего воспитанія въ другія руки, отецъ съ ней повелъ такую рѣчь: «слушай, моя любезная Ривкѣ (Ревекка), я вижу, что у тебя не хватаетъ ни силъ, ни времени, для надежащаго образованія нашего сына, Вульфа; его уже пора отдать въ «хедеръ» — училище; знаешь, опускать время обученія для мальчиwa то же самое, что лишать его сокровища». — «Совершенно такъ, отвѣтила мать, дѣлай то, что знаешь, мнѣ не слѣдуетъ учить тебя: въ подобныхъ дѣлахъ не жена должна учить мужа, а ей слѣдуетъ у него учиться». Это былъ типичный отвѣтъ — въ тонѣ каждой еврейки-матери. «Я выбралъ въ учителя сыну, продолжалъ отецъ, почтеннаго реббе Срули, онъ извѣстенъ за «ере шумаемъ» — мужа, боящагося Бога и высоконравственнаго человѣка, а это-то и составляетъ самую важную черту учителя; безъ этихъ качествъ онъ по моему не учитель, такой человѣкъ можетъ только привить въ учащемся мудрость житейскую, но страху Божию онъ не научить; не отъ такихъ ли учителей, особенно отъ казенныхъ, дѣти наши сдѣлались отступниками вѣры отцовъ и худыми гражданами?» — «Ой вей, вей мир!» — согласилась мать, покачивая головою, — «избави Богъ нашего сына отъ такихъ учителей, — заразы безвѣрія. Ты ужъ, пожалуйста, пригласи хорошаго учителя; я ничего для него не пожалѣю, сама не доѣмъ куска, а ему отдамъ, лишь бы только хорошо училъ нашего Вульфа». Послѣ такого семейнаго діалога, отецъ обратился съ нѣжною рѣчью и ко мнѣ, въ которой высказалъ, какъ важно и необходимо учиться мальчику. Я слушалъ его съ удовольствіемъ. «И такъ, милый мой, завтра пойдешь ты въ школу и будешь тамъ, вѣроятно, прилежно учиться». — «Гутъ (хорошо), тата», отвѣтилъ я. «А какія милости будутъ тебѣ за это, продолжалъ отецъ, отъ Бога и учителя, — самъ увидишь». Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ и брѣпко залегъ въ моей дѣтской головкѣ; онъ навелъ меня на многія размышленія: вотъ, думалъ я, буду ходить, подобно другимъ мальчиwамъ, въ школу учиться и, научившись, буду, по словамъ отца, «ламдыномъ» — ученымъ, книжникомъ: «дасъ изъ зер-гутъ» — это очень хорошо.

Утромъ отецъ, по обычаю, отправился въ синагогу къ богослуженію и тамъ, по окончаніи службы, переговорилъ съ «набож-